

ПРАВДА И ЛЮБОВЬ:

Размышления пастора на ступенях молитвенного дома*

«Для чего даешь мне видеть
злодейство и смотреть на бедствия?»

Аввак. 1:3

Эта статья не является богословским исследованием или проповедью, подготовленной для утреннего богослужения. Она не написана с целью проанализировать глубинные причины конфликтов, происходящих на протяжении всей известной нам истории. В ней не ставится цель принести утешение людям, которые в той или иной мере пострадали от кровопролитной войны, пожалуй, самой страшной после Второй мировой. В ней не говорится о том, как нужно вести себя во время военных конфликтов и всевозможных бедствий. О чем же тогда эта статья? Для чего она написана и предлагается вниманию читателей? Эта статья – попытка запечатлеть чувства и размышления верующего человека, пастора церкви, в самый разгар происходящих событий. Это потребность внутреннего исповедания, искреннего обнажения самого себя именно в тот момент, когда рвались бомбы и снаряды, когда впереди вырастал призрак смерти. Каков же я? Что я могу сказать о пройденном пути? Не потерял ли я способность к самоисследованию и критическому анализу происходящих событий? Могу ли я отделить свою собственную судьбу от судеб мира, от предвечных планов Божьих? Пусть это исповедание, исходящее из сердца, коснется сердец верующих читателей и поможет им провести подобное исследование самих себя.

Александр Нагирняк, ответственный пресвитер Мариупольской центральной церкви ЕХБ, редактор газеты «Слово веры» и журнала «Гость». Преподаватель Ирпенской библейской семинарии. Магистр богословия, доктор служения.

* 10-12 марта 2022, г. Мариуполь (Украина).

ДЬЯВОЛЬСКИЙ ОСКАЛ ВОЙНЫ

◆ Я стою на ступенях нашего молитвенного дома. За моей спиной – большие парадные двери, которые гостеприимно открывались каждое воскресное утро. В глаза светит яркое мартовское солнце, которое говорит о том, что наступает весна, что скоро зацветут цветы... Но сегодня оно меня не радует. Я вижу перед собой не вереницу машин, не группы наших братьев и сестер, которые приветствуют друг друга и направляются к молитвенному дому. Нет, передо мной совершенно другая картина, картина, которая вселяет ужас и тревогу. Я вижу огромную воронку: ночью была сброшена авиабомба какой-то особой мощности. Она снесла с лица земли несколько домов, разрушила хозяйственные строения, на электроопорах куски человеческих тел... Взрывная волна повредила парадные двери церкви, выбила стекла в окнах большого зала для собраний, повредила ворота. Дьявольский оскал жестокой, кровопролитной войны...

В нашу жизнь, в наш Мариуполь пришла война. А как же город благоустраивался в последние годы! Появлялись новые парки, новые фонтаны, расширялись дороги, проводилась реконструкция набережной. Как приятно было пройтись по оживленным улицам, услышать радостные возгласы детворы! Нередко после вечернего богослужения наша молодежь выходила в город и у драмтеатра, возле фонтана, пела христианские песни, раздавала Новые Заветы и другую евангельскую литературу. Прекрасные, незабываемые дни!

Но в воздухе уже чувствовалось дыхание войны. Я никогда не был среди тех, которые думали, что жизнь стабилизировалась, что независимая Украина будет расти и развиваться, что внутренние и внешние проблемы каким-то образом сами разрешатся. Я всегда считал, что независимость пришла к Украине неожиданно, и эта независимость призрачная, не настоящая. Настоящую независимость надо завоевать, настоящая независимость требует жертв и страданий. Придет час, и Украине придется платить цену за свою свободу.

Это стало особенно ясно после 2014 года. События на Донбассе были инспирированы Россией; мы видели^[1] вооруженных людей в камуфляже, которые стояли за так называемыми «шахтерами» и «трактористами». Мы видели, как пресекалось всякое несогласие, как проводились «референдумы», как поднималось наверх все мутное и нечистое, как в баптистские церкви приходили с угрозами и обысками... Было понятно, что это только начало, что продолжение рано или поздно будет. Напрасно некоторые говорили, что построят Крымский мост, и все на этом успокоится. Нет, не успокоилось.

[1] Автор жил и нес пресвитерское служение в г. Енакиеве (Донецкая область), который с весны 2014 г. находится на территории ДНР. В августе 2017 г. выехал к родственникам в Мариуполь. но домой власти ДНР его уже не пустили с формулировкой: «Решение МГБ ДНР» без объяснения причин.

Хор Мариупольской центральной церкви ЕХБ. Пастор А. Нагирняк в центре в первом ряду.

Есть объективные обстоятельства и тенденции, которые невозможно игнорировать. Украина попробовала вкус свободы, и уже не собиралась с ней расставаться. Появились политические и общественные движения, которые были готовы бороться за свободу. Даже украинское евангельское братство стало осознавать свою самобытность и искать свои национальные корни.

В это же время соседнее государство, накачав за счет нефти и газа военные мускулы, повернулось от внутренних забот к международным делам. Население соседней страны вспомнило о своем былом могуществе, о том страхе, который оно внушало своим соседям. Верховный властитель, пребывая на троне долгие годы, как это обычно бывает, решил увековечить себя в международных делах. Россия снова должна стать великой! Мы заставим с собой считаться! А для этого нужно прежде всего приручить Украину. Это наша территория, это наши люди. Итак, в поход на Украину!

Вот действительные причины войны. Здесь нет масонского следа или влияния мирового правительства. Совершенно не при чем бандеровцы и ЛГБТ. Только непреодолимое желание правящей элиты, а затем и оболваненного многолетней пропагандой населения вернуть былое могущество.

Война ожидалась. Когда политики говорили, что не надо поддаваться панике, что угроза преувеличена, становилось ясно, что война уже на пороге. И вот 24 февраля 2022 г. загремели пушки, разорвались первые бомбы. Жизнь разделилась на две части: до войны и в условиях войны.

Война была предсказуема; пожалуй, не ожидалась только та жестокость, с которой пришлось столкнуться уже в первые дни. В самом начале

войны были разрушены или повреждены дома наших братьев и сестер; им пришлось искать убежища в другом районе города, а затем в подвальном этаже молитвенного дома. Появились первые раненые и убитые.

Поначалу было жарко в Восточном районе, а потом по всему городу. Создавалось впечатление, что город систематически уничтожается: утром бомбят один район, днем другой, вечером третий. Исчезло электричество, потом вода и газ. Не стало связи. Помню, как я бежал к вышке Киев-стара, чтобы дозвониться до родных, и в это время над моей головой стал кружиться самолет. Он сбросил бомбу, я видел, как она летела к земле, как она упала в соседнем дворе, и мне на голову посыпались комья земли. Потом, когда я бежал назад, следующий самолет сбросил бомбу на другой стороне улицы. Это был частный сектор, здесь жили мирные люди, не было никакой военной техники. Как объяснить такую жестокость? Кто ответит за эти злодеяния?

По мере того, как город разрушался, все больше людей находили убежище в подвале нашего молитвенного дома. Приходилось даже запира- рать ворота, потому что мы не могли вместить всех желающих. Двести и больше человек – их нужно было кормить, нужно было навести какой-то порядок. Очень скоро я понял, что моя задача, как пастора, не находить продукты, не привозить воду, не закладывать мешками с песком окна, – это сделают молодые братья. Я просто должен здесь быть, мне надо своим присутствием успокаивать и ободрять. Пастор с нами, а это значит, что не все так плохо. И я должен сказать, что наши мариупольские пасторы оставались до конца, до того момента, когда они могли как-то влиять и оказывать пасторское попечение. Они выезжали из города с последними группами братьев и сестер.

Но дни идут, обстрелы продолжаются, рядом с молитвенным домом не остается живого места. У нас все меньше продуктов, сестры делают коржи, братья пекут их на костре во дворе молитвенного дома. Недавно братья, побежавшие за водой к роднику, попали под обстрел. А потом случилась трагедия: наши диаконы поехали за горючим для генератора и, когда возвращались назад, их прицельно расстреляли. Они погибли, сгорели в своей машине, пятеро молодых братьев... А в подвале были их матери, жены и дети... Мы хоронили их под звуки разрывов прямо во дворе молитвенного дома. За все годы моего служения не было таких похорон. Господи, как это пережить, как утешить осиротевших женщин и детей?..

Я стою на пороге молитвенного дома. Мое служение сузилось до размеров подвального этажа. Никто не знает, что с нашими братьями и сестрами, которые остались в разных районах города. Живы ли они? С ними невозможно созвониться, к ним невозможно добраться.

Я стою на пороге, и грустные мысли одолевают меня, несмотря на весеннее солнце и пробуждающуюся природу.

Пастор Александр Нагирняк (слева) с братом Николаем Семикиным, диаконом церкви, который заботился о пропитании людей, укрывавшихся в подвале молитвенного дома во время обстрелов города. Брат Николай и еще четверо диаконов погибли в результате обстрела.

Господи, я проповедовал Твое Слово, проводил беседы, организовывал служения, посещал верующих на дому, но что мне делать сегодня?

Господи, как относиться к моим братьям по вере, которые на той стороне и, судя по всему, не вполне понимают, что происходит на самом деле?

Какое вообще христианское отношение к войне? Одно дело – говорить об этом, когда война идет где-то далеко; и совсем другое дело, когда война бушует вокруг, когда гибнут близкие люди, когда ставится цель уничтожить твою страну.

Я стою на пороге, вокруг рвутся снаряды, над Азовсталью поднимаются клубы дыма, а мои мысли далеко-далеко...

ТРУДНОЕ РАССТАВАНИЕ С МИФАМИ

◆ Трудно согласиться с тем, что размеренное, привычное течение жизни нарушилось. Трудно признать тот факт, что наша церковь уже никогда не будет такой, какой она была до войны. Еще труднее признать перед самим собой, что некоторые представления и понятия оказались не более, чем мифами...

Мы всегда считали, что наше баптистское братство единое, оно выше всех границ, выше национальностей, выше особенностей культуры. Мы называли его русско-украинским. Казалось, для этого есть все основания: общие корни, общая история, общие герои веры... Но на деле все оказалось далеко не так радужно, как оно представлялось. Только заговорили пушки, полетели ракеты – и обнаружилось, что у нас разное понимание и разное отношение. Даже молитвы возносятся к Богу с разным содержанием. Как рассказал один украинский пастор: «Встретился с братьями из России, поделился своими переживаниями. А они в ответ: «Ничего,

брат, мы молимся, чтобы скорее к вам пришел Путин и навел порядок!» Брат, рассказывая об этом, покачал головой: «А ведь мы молимся о том, чтобы Путин поскорее ушел и оставил нас в покое...» Вот она, горькая правда сегодняшнего дня.

Оказывается, между русским и украинским братством есть много общего, но есть и большие различия. Различия, которые были всегда, но проявились особенно явно сегодня.

Приходится признать, что земное, национальное имеет гораздо большее влияние на нас, нежели мы думали. Да, мы христиане, граждане небесной страны, но мы также граждане и своей земной родины, и это обстоятельство нужно признавать и учитывать.

Удивительно, но национальные различия оказываются выше различий между «узким» и «пространным» путем. Братья из Совета Церквей, забывая свои разногласия и обвинения, соединяются с братьями ВСЕХБ в своем отношении к войне, так или иначе поддерживают свое правительство. То же самое происходит и в Украине, только в противоположном смысле: братья разных объединений находят общий язык в осуждении войны, в осуждении агрессии. Солидарность в военном вопросе начинает превосходить вероисповедные различия.

Разрушается еще один миф, который долгие годы, даже столетия, внедрялся в наши сердца и умы. Расставание с этим мифом тоже болезненное, оно назревало, только усиленная пропаганда на светском и религиозном уровне не давала ему обрушиться. Меня всегда возмущал этот миф, который почему-то разделяли (возможно, просто повторяли) многие верующие люди. Это миф о богоизбранности, о каком-то особом богоискательстве, которое будто бы присуще нашим народам, особенно русскому народу.

Нет ничего более лживого, чем это представление. Но оно повторялось на каждом шагу. Откроешь какую-либо книгу, написанную светским религиоведом или православным автором, и обязательно прочтешь о какой-то «богоизбранности» русского народа, о его особом предназначении. Начнешь читать рассуждения об истории христианства на Руси наших братьев, и обязательно встретишь такие фразы: «присущее русскому народу богоискательство», «дух богоискательства, который никогда не исчезал в народе...»

Место погребения погибших братьев диаконов во дворе молитвенного дома.

Интересно, когда же эта «богоизбранность» и это «богоискание» проявлялось? Может быть, тогда, когда христианство насильственным образом и по политическим соображениям внедрялось на Киевской Руси? Когда была воспринята внешняя оболочка христианства, и языческим обрядам придали христианскую окраску?

Или тогда, когда господствующая православная церковь подавляла все духовные искания, а сама пребывала в покорности светской власти, в пьянстве и чревоугодии? Вот воспоминания брата Петра Пожарицкого, пресвитера Карагандинской церкви баптистов: «Однажды по службе Петру пришлось зайти в дом к попу, а там как раз собрались священники из близлежащих деревень. Они сидели за столом и пили водку, некоторые из них даже охмелели... Когда Петя это увидел, у него отнялась речь. Как так? Святые люди пьют водку, говорят, что попало, но ничего не слышно о Боге... Поп, увидев смущенного работника, засмеялся и позвал к столу. Но он не мог идти – ноги как будто подкосило. Тогда его с бранью выгнали вон...»

Может быть, это богоискание проявилось тогда, когда началось евангельское движение, и толпы народа с вилами и кольями шли бить штундистов? Или это богоискание можно было увидеть в столице тогдашней империи, когда «Петербургское пробуждение» было встречено в штыки, а его лидеры высланы из страны?

Можно ли говорить о богоискании русского народа, когда разрушались храмы и сбрасывались колокола под улюлюканье собравшейся толпы? Ведь это делали не какие-то отщепенцы, это становилось возможным благодаря всеобщему одобрению или, во всяком случае, молчаливому согласию.

А тридцатые годы? Какое же тут богоискание? Какая богоизбранность? Объявлена «пятилетка безбожия», тысячами брошены в тюрьмы и расстреляны священнослужители. Где, в какой еще стране можно увидеть такое? И после этого говорить о богоискании, о богоизбранности?

Мне кажется, давно нужно признать горькую правду: русский народ – это народ, склонный к суевериям, готовый поклоняться очередному вождю, но не Богу. Россия всегда была страной, где государство было все, а человек – ничто. Русские люди готовы поверить любому мифу, принять любую пропаганду, только бы не замечать своего бессмысленного существования, не видеть своей духовной убогости, не признавать свою ответственность за себя и за страну. Кричать: «Долой Америку», и тут же униженно бегать за американскими подачками. Вот картина истинной «духовности» русского народа.

Как бы это не было болезненно, но нужно признать, что такой же «богоизбранностью» страдают и русские братья по вере. Помню, как недавно на одной из конференций под Москвой, на базе, приобретенной с американской помощью, один престарелый брат, отсидевший при советской

власти три года, говорил мне: «Знаете, почему Америка и Европа так ненавидят Россию и Путина? Потому что в мире осталась только одна страна, которая стоит за мораль, за духовность...»

Если еще кто-то верил в этот миф, то он окончательно рассыпался с первыми залпами войны, начатой именно Россией, именно Путиным.

России давно нужно признать, что нет у нее какого-то особенного пути и особенного предназначения. Ей надо стать в ряды обычных цивилизованных государств, жить не для призрачного величия, а для блага своих людей. Тогда и России будет хорошо, и окружающим народам. Но, откровенно говоря, я в это не верю. По-моему, Россия и демократия – это несовместимые вещи.

Без сомнения, в России, как и в любой другой стране, есть много думающих, талантливых, совестливых людей. Но их обычно удаляют из страны – пароходами, поездами и самолетами.

«Друзья Иова»

◆ Я стою на пороге молитвенного дома. На моих глазах разрушается наш прекрасный украинский город. И разрушают его не немцы, не австрияки, а россияне. Братский народ, как мы привыкли говорить. И, наблюдая происходящее, невозможно не задуматься об этом, забыть ту боль, которую причиняет война и «братские» попытки объяснить эту войну...

В первые дни вооруженной агрессии России, когда еще была связь и работал интернет, один брат из Сибири написал мне: «Братья-украинцы, простите нас, россиян!» Я тут же ему ответил: «Дорогой брат, тебе не за что просить прощения. Не ты начинал эту войну. Мы остаемся братьями во Христе. Да хранит тебя Бог!»

Были еще подобные письма и звонки. Но очень немного. Зато были письма-осуждения другого рода. Один брат прислал письмо на нескольких страницах, где он пытался детально объяснить, почему Украина эту войну заслужила. Тут были и Турчинов, и майдан, и бандеровцы... Почему-то он не вспомнил о праве каждого государства, каждого народа на выбор своего пути, не вспомнил о том, что Украина никому не угрожала. Обвинял нашу страну, наше братство, напичкал свои рассуждения библейскими цитатами. Я не стал читать весь этот опус, коротко ответил ему: «Когда страдают твои единоверцы, надо хотя бы положить руку на свои уста».

А потом брат с Дальнего Востока написал: «Спецоперация России на Украине – это справедливая война, в которой христианин может участвовать, оставаясь верным Господу. Со стороны Украины – безусловно нет». При этом он упомянул, что будто бы Украина убивала женщин и детей на Донбассе. ФСБ не написала бы подобного обвинения, потому что эта служба прекрасно знает, кто и кого убивал на Донбассе.

Мы, верующие Украины, начиная с 2014 года, сталкиваемся с такой ситуацией: когда мы своим единоверцам в России рассказываем о том, что происходит, они верят не нам, своим братьям, а телевизору и пропаганде. Просто диву даешься: перед тобой верующий человек, но он будто не слышит тебя, иронически улыбается, а потом повторяет бредни российского телевидения. Начинаешь думать, а возрожденные ли это люди? Нужно сделать большое усилие над собой, чтобы не сказать какие-то резкие слова. Обычно в таких случаях общение просто прекращается.

В нашей украинской среде в дни войны распространилось такое ироническое понятие, как «друзья Иова». Как часто, разговаривая с друзьями из России, слышишь выражение сочувствия, а потом тебе говорят: «Ну, вы же сами виноваты... Россия была вынуждена...» Такое ощущение, что люди не слышат самих себя. Как-то говорил по скайпу с друзьями из Подмосковья; они вежливо слушали, а потом, дождавшись паузы, спросили: «А правда, что азовцы сами стреляют по своим?» Они обеспокоены этим вопросом, а не тем обстоятельством, что их страна начала войну. Они не судят своих вождей, живут в своем информационном пространстве...

Почему это происходит? Очевидно, это не только влияние пропаганды. В конце концов, каждый человек сам решает, что ему принимать и чему верить. Мне думается, что сказывается происхождение, воспитание и вообще «синдром старшего брата». Русские люди привыкли считать, что на постсоветском пространстве они главные, они ведущие, и им позволено то, что не позволено другим. Они могут поддерживать Путина, но мы не можем поддерживать Турчинова. Они могут одобрять свое правительство, а мы не можем. Они могут предъявлять свои права, а мы не можем. Они могут защищаться, а мы не можем. Украина, Беларусь, Средняя Азия – это, безусловно, зоны их влияния. Там не может быть своей культуры, своей политики, своего пути. Не может быть своих героев. Чтить Ивана Грозного и Сталина, ставить им памятники можно, но упоминать Мазепу и Бандеру ни в коем случае нельзя.

С такими представлениями русский человек рождается, живет и умирает. Он просто не может допустить, что другие народы хотят жить по-своему, без «старшего брата». И эта философия живет в умах и сердцах многих верующих людей. Слово Божье и Дух Божий не могут преодолеть в них земной, российский менталитет.

Но есть и другое обстоятельство, объясняющее такое поведение и такие суждения. Оно еще более приземленное, и в нем не хочется признаваться. Но все же дело обстоит именно так. Что я имею ввиду?

Дело в том, что многие люди в России, включая верующих, боятся нести ответственность за преступления своей власти. Ведь если признать, что твоя страна напала на другую страну и творит на ее территории злодеяния, тогда нужно что-то делать, тогда нужно хотя бы что-то ска-

Поврежденный в результате обстрелов молитвенный дом Центральной церкви ЕХБ г. Мариуполь.

зять, чтобы не оказаться молчаливым соучастником преступления. Но вот этого и не хочется. Поэтому многие просто пытаются уйти от неприятного для себя вывода, сделать вид, что ничего не происходит, что в этой войне много непонятого и неоднозначного, и «вообще нас это не касается». Но рано или поздно признать реальность придется. Рано или поздно нужно будет пожинать последствия агрессии, которая была поддержана большинством населения.

ПРАВДА И ЛЮБОВЬ

◆ Я стою на пороге молитвенного дома. Снова и снова заходят самолеты, чтобы бомбить находящийся внизу, недалеко от нас Азовсталь. Российские самолеты сбрасывают российские бомбы на граждан Украины...

Господи, как смогут завтра жить два народа?

Господи, что нужно сделать, чего не допустить, чтобы не прервалось братское общение двух братств, русского и украинского? Ведь мы должны быть едиными в Теле Христовом, мы идем в одни небесные обители...

Я думаю об этом и прошу у Господа милости и силы, чтобы не ожесточиться, не наполниться осуждением, стать выше происходящего и видеть дальше, за пределы разрушенных зданий и окровавленных тел, которые некому убирать...

Может быть, не нужно никаких оценок, просто надо помнить, что мы верующие, а кто на кого напал, кто прав, кто виноват, нас это не касается? Пусть бомбят, пусть убивают, пусть снова несут нам свой «русский мир», – что ж поделаешь, все люди грешники, иначе просто и не может быть. Я пытаюсь думать так, но что-то у меня никак не получается. Какой-то голос внутри меня говорит, что это против совести, что это неестественно, что это вовсе не христианская позиция. Да, не надо желать зла и проклинать, но и не надо закрывать глаза на все происходящее, путать причину и следствия. Христос просветил нас и дал нам способность смотреть на все открытыми глазами.

Вспомнил, как позвонил один незнакомый брат и начал возбужденно задавать вопросы: «Почему Украина такая воинственная? Почему ваше братство поддерживает войну?» Я пытался что-то ему объяснить, опровергнуть его обвинения, но он меня не слушал. Тогда я сказал: «Постойте, я задам вам вопрос: кто начал войну?» Он заторопился: «Я не об этом...» – «Но я об этом: кто начал войну?» Он нехотя ответил: «Я не знаю». Тогда я сказал ему: «Весь мир знает, а вы не знаете? И вы думаете, что это духовная позиция? Значит, вы в одном ряду с Ким Чен Ыном из Северной Кореи и иранским аятоллой, которые уничтожают христиан и тоже не знают, кто начал войну...»

Я, как служитель, должен сказать верные слова своей пастве. Вот они смотрят на меня и спрашивают: «Почему нас убивают? Чем мы провинились? Какие причины этой войны?» Я не могу спрятаться за общие фразы, я не могу сказать, что нам не надо об этом думать, а просто терпеть и ожидать. От меня ждут пророческого слова, ждут объяснения и совета.

Размышляя над этим, беседуя с братьями в редкие минуты затишья, я прихожу к выводу, что должно быть **признание** того, что происходит, и должно быть **христианское отношение** к происходящему. Другими словами, должна быть **правда**, и должна быть **любовь**. Без правды и любви не будет христианской позиции.

Нам всем, и русским, и украинцам нужно понимать, почему началась война и кто ее развязал. Без сомнения, это имперские притязания России, это боязнь, что Украина уйдет в Европу, станет действительно независимой страной. Без Украины Россия никогда не сможет восстановить свою гегемонию на постсоветском пространстве.

Без признания этого очевидного факта не может быть никакого диалога, никакого взаимопонимания. Это нужно украинцам, которые подверглись агрессии и которые иначе просто не услышат никаких благочестивых слов. Это нужно россиянам, которые должны стать на правильную позицию, прежде чем говорить о мире.

Речь вовсе не идет о том, что одна страна праведная, а другая грешная. Речь не идет о том, что один народ лучше другого. Речь идет о конкретной

ситуации, конкретных причинах и целях. Не «продолжается вооруженный конфликт на Украине», а идет война России с Украиной, которая была начата с целью лишить наш народ государственности, истории и культуры.

Признание этой горькой правды – это основа для нынешних взаимоотношений и основа для построения взаимоотношений в будущем. Без этой правды не будет и любви.

Но когда мы признали правду и согласились с ней, тогда открываются двери для любви. Тогда мы можем сказать друг другу: Россия, преследуя свои политические цели, напала на Украину. Каин поднял руку на Авеля; мы верующие люди, и мы понимаем это. Мы переживаем за свои страны и молимся о будущем наших народов. Мы осуждаем войну и хотим в этих обстоятельствах сохранить верность Богу и наши добрые братские отношения. Мы никогда не возьмем оружие и не поднимем руки друг на друга. Мы, невзирая ни на что, будем помогать друг другу и поддерживать страдающих. Мы будем молиться вместе о пробуждении наших народов и об окончании этой братоубийственной войны. Мы покажем всему миру, что мы любим друг друга, несмотря на границы и на линии фронта.

Правда и любовь! Без правды не будет любви. Не называя правду, избегая ее, мы никогда не достигнем любви. Все благочестивые слова и библейские цитаты без правды окажутся лицемерием.

БРАТСТВО ЛЮБИТЕ!

♦ Я стою на пороге молитвенного дома. Стрельба как будто немного утихла, и наши братья собираются за водой. Воды нужно много, в основном для приготовления пищи. На гигиенические цели – по стакану на день. Такова норма для мужчин, женщин и детей. Для того, чтобы принести воды, нужно пройти несколько разбитых улиц, спуститься вниз, к роднику. Там обыкновенно большая очередь. И в любой момент могут возобновиться обстрелы. Но братья идут. Их никто не заставляет, но они знают, что это надо.

Дорогие мои братья... Кто-то недавно сказал, что война сделала хороших людей еще лучше, а плохих – еще хуже. Как же приятно сознавать, что братья и сестры нашей церкви в военных условиях показали себя с самой лучшей стороны. Да и все наше украинское братство проявило себя, как братство настоящих детей Божьих!

Как часто мы критиковали братство, говорили о духовном охлаждении, об отсутствии любви и жертвенности, но вдруг оказалось, что братство живет, братство трудится, братство остается братством! Меня включили в пасторскую группу в интернете, и когда работает наш генератор и появляется интернет, я вижу, как братья заботятся друг о друге, как помогают беженцам, как предоставляют кров и пропитание. Слава Богу!

В первые дни войны мы с женой успели отправить из Мариуполя старшего сына с семьей – это семеро маленьких детей, самой меньшей – два месяца. Тогда еще была связь, я мог связываться с братьями в Запорожье, в Кропивницком, в Хмельницком, – и везде оказывали гостеприимство и внимание. Предоставляли ночлег, помогали с бензином, давали продукты на дорогу... Такое внимание трогает до слез. Господи, как хорошо, что у нас есть братство!

В военное время мы узнали, как много у нас друзей за рубежом. Мы поругивали Америку, обвиняли верующих Западной Европы в либерализме, но в трудный час они, не колеблясь, протянули нам руку помощи. Наши братья и сестры, которые успели выехать, нашли приют в Польше, Румынии, Чехии, Германии, Нидерландах. Местные церкви предоставили молитвенные дома, чтобы наши беженцы могли проводить свои собрания.

Детский приют при нашей церкви тоже успел выехать. Немецкая церковь приняла его, предоставила свои помещения, а немецкий пастор гладит сирот по голове и говорит: «Это мои дети!»

Да, друзья познаются в беде. Слава Богу, что украинское братство имеет множество настоящих друзей во всем мире!

ВОЙНА И МИР

♦ Я стою на пороге молитвенного дома. Обычно, поднимаясь по этим ступеням, я думал о предстоящем служении, о том, с кем нужно будет побеседовать, что нужно будет сделать. Теперь же невольно мои мысли возвращаются к прошлому. Я вспоминаю пройденный путь, разные обстоятельства жизни и служения, пытаюсь сделать какой-то анализ. Удивительно, но почему-то мне не хочется что-то изменить, что-то поправить. Я понимаю свое несовершенство, вижу свои ошибки, но почему-то смотрю на это спокойно. Я живой человек, делал, что мог и как мог, и Бог знает мое сердце. Когда приду к Нему, я просто склонюсь перед Ним без всяких слов оправдания...

Но что наполняет мое сердце, так это благодарность. Я благодарен Богу, что у меня была интересная, насыщенная жизнь. Господь дал мне хорошую семью, верующих родителей, жену и детей. Мы всегда понимали друг друга, вместе делали Божье дело. А сколько друзей Бог послал мне на моем пути! Я пытаюсь перечислить их имена, и список оказывается поразительно длинным. Бог явил мне такую милость, что удостоил меня быть служителем Его церкви. Вся моя жизнь прошла в церкви, все лучшие минуты связаны с церковью! Если я уже никогда не выйду из Мариуполя, если здесь закончится моя жизнь, то у меня есть за что благодарить Бога.

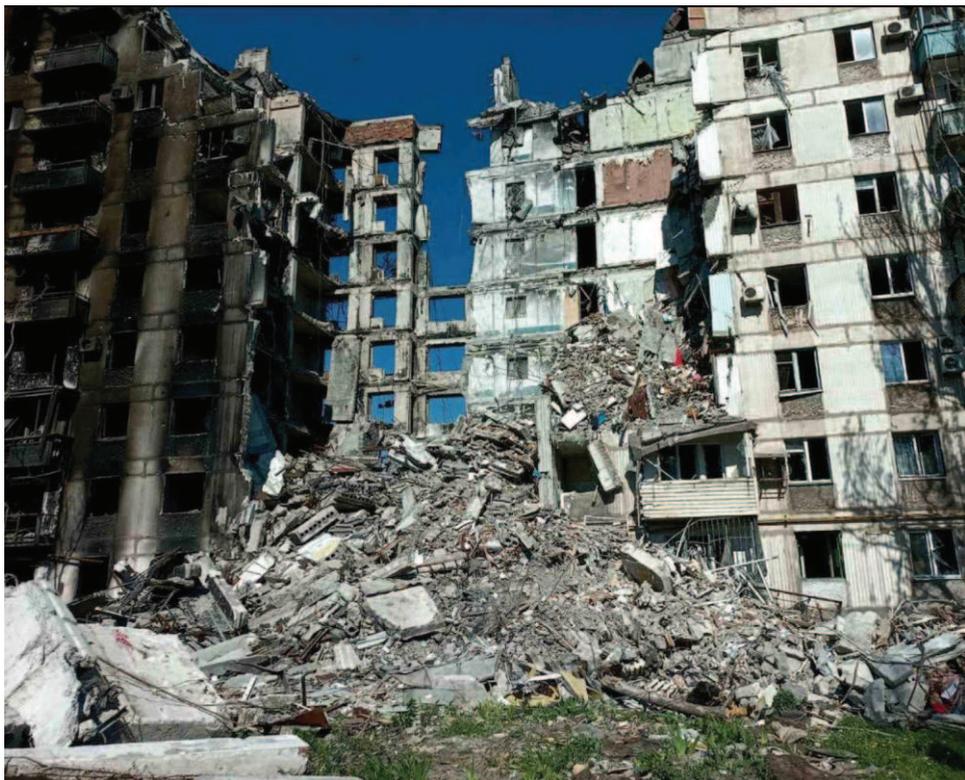
Говорят, перед лицом смерти происходит какая-то переоценка ценностей. Что можно сказать по этому поводу? Пожалуй, в первую очередь я должен признать, что довольно часто мои отношения с Богом были

формальными, носили оттенок какой-то обязательности. Я верующий человек, я служу Богу, я молюсь и проповедую, я остерегаюсь греха, но во всем этом было мало сердца, мало искренности, мало внутренней настоятельной потребности в Нем. Теперь я сознаю, что главное в христианстве заключается все-таки в личном общении с Богом, в личном знании Его. Не скажу, чтобы я раньше этого не понимал, но теперь я вижу это особенно ясно. Без личного общения с Богом, без личного знания Его невозможно устоять в годину испытаний.

Наверное, в условиях войны я более, чем когда-либо, сознаю, что все мы странники и пришельцы на земле. Когда-то это воспринималось как-то отвлеченно, а сейчас я вижу, насколько правильно и насущно это определение. Разрушены дома, потеряно имущество, сгорело все, что было дорого, что составляло семейные реликвии... Жалею ли я об этом? Удивительно, но я не ощущаю острой, гнетущей жалости. Возможно, перед лицом войны притупились все чувства, возможно, жалость и осознание потерь придет позже, если еще продлится моя жизнь. Но пока я чувствую только какую-то грустную умиротворенность. Собирал, строил, старался, надеялся, но вот все развеялось, как дым. Господь дал, Господь взял... Такова человеческая жизнь...

Под взрывами бомб, при виде постоянных разрушений и смертей все происходящее, все прошлое и настоящее воспринимается как-то буднично, без чрезвычайных эмоций. Один брат из Москвы прислал сообщение, что он восхищается нами, что мы герои. Но герои ли мы на самом деле? Как-то не думается об этом. И я, и мои братья просто делаем то, что должны делать. Мне предлагали уехать, пока еще была возможность, но я сразу отклонил это предложение: как я смогу жить дальше, если я брошу церковь в трудный час? Без громких слов мои братья идут за водой, мои сестры готовят пищу и ухаживают за больными. А мне надо будет спустаться вниз и готовить продолжение разбора Послания к Ефесеям. В вечернее время, когда еще светло, мы проводим библейские беседы, размышляем о богатстве славного Божьего наследия для святых. Это мой труд, моя ответственность.

Что изменила война в нашем служении, в нашем отношении к нему? Наверное, ушло в сторону второстепенное, лишнее, то, что порой причиняло нам много хлопот и переживаний. Теперь мы сосредоточены на главном: как сохранить веру и упование, как помочь друг другу. Людям, которые прибежали в наш подвальный этаж, мы тоже проповедуем главное: покаяние и веру во Христа, веру в загробную жизнь с Богом. И люди каются! Уже десять человек покаялись в нашем подвале. Дай Бог, чтобы их покаяние и вера были искренними, настоящими. Я думаю, что на этих людей повлияли не так наши призывы, как наша жизнь, наше взаимопонимание, наше доверие Богу.

“Девятиэтажный дом, где жили мы с женой. Авиабомба попала в наш подъезд. От нашей квартиры на седьмом этаже осталась одна стена с коричневыми обоями. Под завалами погибло 20-25-30 людей...” (А. Нагирняк).

В мирное время мы проводили богослужения, готовили праздничные и евангелизационные собрания, устраивали детские и молодежные лагеря. Как хорошо, что с молодежью успели побывать в Карпатах, подняться на Говерлу! Молодежь имела свои общения, создавались новые христианские семьи. Там, внизу, в подвале, молодая вдова: только полгода назад было их бракосочетание, и вот молодой муж погиб... То была мирная жизнь, мы жили и радовались. Теперь наступило другое время, время войны и смерти. Все разрушилось, но осталась наша вера, наше понимание, что жизнь каждого из нас в руках Божьих.

Я не жалею о прошлых днях. Пожалуй, только жалею о том, что иногда я очень болезненно реагировал на какие-то замечания, неправду, клевету. Надо было, насколько возможно, не обращать на это внимания, делать свое дело. Но теперь этого уже не поправить... И еще где-то есть сожаление, что я слишком часто пытался подстраиваться под других, старался угодить общему мнению, заботился о том, как я выгляжу в глазах окружающих. Надо было просто быть самим собой. Оказывается, это очень непросто...

О чем я еще жалею? Конечно, жалею о церкви. Как хорошо, как благословенно мы жили! А что будет дальше? Кто-то погиб, кто-то еще погибнет,

кто-то уедет; останется в Мариуполе, скорее всего, небольшая группа пожилых людей... Неужели на этом закончится 130-летний путь церкви? Я считаю, что не закончится. Пройдут войны, стихнут взрывы, возобновятся собрания, выдвинутся братья, которые возьмут на себя ответственность. В церкви есть живительная сила, которая особенно проявляется во время испытаний. Церковь будет жить!

Конечно, мне хочется участвовать в восстановлении церкви. Я был бы очень рад увидеть новых братьев, передать им эстафету, благословить на дело Божье. Но будет ли такая возможность? Однако, как бы ни сложилась моя жизнь, жизнь других братьев-служителей, церковь продолжится. Трудно сейчас говорить об этом, когда все рушится, когда дрожат ступени под моими ногами, но будущее, как говорит пророк, не потеряна.

Будущее – каким оно может быть?

◆ Я стою на ступенях нашего молитвенного дома. Мне кричат братья, что надо спуститься вниз, что это очень опасно, осколки от снарядов летят во все стороны. Но я не могу уйти, мне кажется, что это в последний раз я стою у входа в молитвенный дом...

Когда-то закончится война, потому что все войны имеют начало и имеют конец. Украина устоит, как это не окажется трудно. Но как будет жить наше братство, какими будут отношения русских и украинских верующих, если жизнь продлится, если Господь еще замедлит Свой приход?

Наверное, между народами, между странами еще долгое время будет пропасть и отчуждение: слишком велики были утраты, слишком много пролилось крови. Потом произойдет какое-то примирение, раны войны будут залечены.

А как будут жить два национальных братства? Мне кажется, что братья протянут друг другу руки, найдут взаимопонимание. Иначе просто не может быть, нас связывает общее прошлое и общие цели. В нас живет один Дух Христов, Дух любви и прощения. Я вспоминаю братьев, с которыми всегда хотел иметь общение. Это Сипко и Рягузов, Румачик и Балашов, Антонюк и Ефремов, Попов и Синичкин, Куренбин и Чухонцев, Трофимов и Кравцов... Да разве всех перечислишь! Это братья, с которыми всегда находишь единство и понимание, у которых есть чему поучиться. Разве могут войны и политические пристрастия разделить нас? Пройдет время, утихнут эмоции, и мы благословим друг друга, как в прежние годы.

Но что-то все-таки изменится. Уйдет в прошлое понятие единого русско-украинского братства. Будет национальное братство России, и будет национальное братство Украины. Останется единой догматика, но будут свои национальные особенности, будут определенные различия.

Это неизбежно и естественно. Когда две страны пойдут каждая своим путем, тогда и братства будут отличаться друг от друга. Они уже и сейчас отличаются.

Российское братство всегда было более склонно к евангельскому христианству с его принятием широкой палитры христианского мира и поддержкой государства. Украинское братство всегда было более баптистским, провозглашающим строгость церковной жизни и ценность узкого пути.

Мы будем углубляться в свою историю, находить новые корни и предпосылки, уходить от привычных штампов, которые достались нам от Российской империи и Советского Союза. Это будет не простой, но очень содержательный процесс. На этом пути нас еще ожидают интересные, неожиданные открытия...

Но что-то я слишком задумался. Над головой опять кружит самолет, сейчас полетят бомбы. Если хоть одна из них упадет на молитвенный дом, кто останется в живых? Выживут ли те люди, которые сейчас затаились в подвале, ожидая разрывов?

Господи, я еще не знаю этого. Я еще не знаю, выйду ли я живым из гибнущего на глазах Мариуполя. Может быть, тогда все мои мысли, выводы и заключения покажутся наивными, чересчур категоричными, излишне эмоциональными? Я не знаю этого. Но пока я стою на ступенях нашего поврежденного, но еще живого молитвенного дома, мои размышления именно таковы. И я надеюсь, что всякий, кто прочтет их, если и не согласится, то хотя бы отчасти поймет и промолчит. Когда говорят пушки и минометы, иногда просто нужно помолчать...

10-12 марта 2022 г.